

О. Л. Опрышко,
заслуженный работник культуры
Кабардино-Балкарской Республики,
член Союза писателей РФ

ДИКАЯ ДИВИЗИЯ

Это легендарное воинское соединение имело множество неофициальных наименований: «Кавказская дивизия», «Горская дивизия», «Дикая дивизия». Последнее – самое известное. Именно так назвал книгу, выпущенную в эмиграции, офицер, писатель Николай Брешко-Брешковский. Именно этой дивизии посвящён первый в России памятник героям Великой войны, открытый в октябре 2012 года в Назрани.

Официально дивизия носила имя Кавказской туземной конной. Странно звучащее сегодня, оно объясняется тем, что к началу XX века одна Кавказская кавалерийская дивизия в русской армии уже существовала. Новая отличалась тем, что сформировалась исключительно как добровольческая, и набирались в неё «охотники» из коренных народов Кавказа. Впрочем, не только они. Служить в ней почитали за честь представители русской, грузинской, армянской знати, финских, шведских и прибалтийских баронов, польских и итальянских аристократов. В ней состоял персидский принц Фазула-Мирза и даже принц Наполеон Мюрат – правнук знаменитого маршала Мюрата и правнучатый племянник французского императора. Первым командиром дивизии был назначен младший брат царя Великий князь Михаил Александрович.

В Российской империи горцы Кавказа не отбывали воинской повинности. Прошло всего пятьдесят лет с тех пор, как в Кавказской войне пал последний очаг сопротивления, и существовали опасения: стоило ли вооружать и обучать военному делу горцев-кавказцев?

Неожиданные известия из Нальчика пришли в Санкт-Петербург уже на пятый день войны, 24 июля по старому стилю. Съезд доверенных Кабарды и Балкарии постановил «просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и Пяти Горских обществ выставить за счёт населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырёхсотенного состава». Телеграмму подписал начальник Нальчикского округа подполковник Султанбек Клишбиев. Вечером через начальника Терской области она ушла в Тифлис заместнику на Кавказе графу И. И. Ворон-

Великий князь Михаил Александрович

цову-Дашкову, а от него – к самому Николаю II. Через два дня пришел ответ: «Государь Император вполне одобрил и утвердил распоряжения относительно формирования Кабардинского полка и рад горячему порыву населения Кабарды и Горских обществ» [6, с. 10].

Военнослужащие Кабардинского конного полка

Вдохновляющему примеру последовали в Адыгее и Черкессии, Карачае и Ингушетии, Чечне и Дагестане, в Абхазии и провинциях Закавказья. 5 августа 1914 года начальник штаба Кавказского военного округа генерал Николай Николаевич Юденич извещал начальника Терской области генерал-лейтенанта Флейшера:

«Вследствие ходатайства Главнокомандующего Высочайше разрешено сформировать кроме Кабардинского ещё Чеченский конный четырёхсотенный из чеченцев и ингушей, а в Кубанской области Черкесский полк» [11, л. 6]. Однако ввиду неожиданного наплыва добровольцев планы пришлось менять. Только в Чеченском конном полку штат на 9 августа составил 668 человек. 26 августа 1914 года его командиром был назначен подполковник, георгиевский кавалер Александр Сергеевич Святополк-Мирский. Ингушский конный полк Назрановского округа стал отдельной частью. Возглавил её полковник Георгий Алексеевич Мерчуле, абхаз по национальности.

23 августа был объявлен Высочайший приказ Николая II о

создании «Кавказской туземной конной дивизии» трёхбригадного состава из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского (из азербайджанцев Закавказья), Черкесского и Ингушко-

го. В них служили представители многих народов. Например, «в Дагестанском полку были люди, приблизительно двадцати наречий, в Кабардинском (вместе с кабардинцами) были и их соседи — балкарцы...» — писал бывший офицер дивизии Алексей Алексеевич Арсеньев. Большинство в полках составляли мусульмане. Вот содержание клятвы, которую они подписывали в «Присяжном листе»:

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Кораном Вал-лаги-Беллаги-Таллаги хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Самодержцу Всероссийскому, честно и добросовестно исполнять все обязанности и не превышать предоставленной мне власти и не причинять с умыслом никому ущерба или убытков, а, напротив, вверенные мне интересы ограждать как свои собственные, памятуя, что я во всём этом должен буду дать от-

Офицеры Осетинского конного дивизиона

вет пред законом и пред Богом на страшном суде Его, в удостоверение чего целую преславный Коран. Аминь» [9, л. 83].

Горцы являлись на службу с лошадью, седлом, обмундированием и холодным оружием (шашкой и кинжалом). Жалованье всаднику составляло 20 рублей в месяц, в то время как нижние чины из кадровых частей получали только 75 копеек. Дополнительно выдавались казачьи трёхлинейные винтовка и револьвер, патроны. В патронташах их помещалось по 30 и по 28 — в газырях на черкесках.

30 сентября 1914 года Великий князь Михаил Александрович под станицей Прохладной «смотрел» и принял Кабардинский конный полк, получивший почётное знамя, пожалованное в 1844 году Николаем I кабардинцам. Под ним полк, возглавляе-

Полковник Татарского полка
А. А. Немирович-Данченко

мый полковником Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым, сыном наместника на Кавказе, влился в состав 1-й бригады, куда вошёл также 2-й Дагестанский полк, сформированный в Темир-Хан-Шуре, нынешнем Буйнакске. Во главе бригады встал генерал-майор князь Дмитрий Петрович Багратион из знаменитого грузинского царского рода.

Вторую бригаду возглавил генерал Константин Николаевич Хагондоков. В неё входили Чеченский и Татарский конные полки. 3-я бригада под командованием генерал-майора князя Николая Петровича Вадбольского включала Черкесский и Ингушский полки.

Следовало определиться, где и как использовать горские части, прежде не входившие в регулярное войско. Начальник штаба Терского казачьего войска генерал-майор Федор Григорьевич Чернозубов обратился с «Памятной запиской» в штаб Кавказского военного округа: «Привыкшие к горам кабардинцы, чеченцы, ингуши, дагестанцы и черкесы Кубанской области, — писал он, — конечно, наиболее принесли бы пользу при действиях в предгорьях Карпат, поэтому дивизия, формируемая из горцев Северного Кавказа, должна быть назначена в состав армий Юго-Западного фронта».

Его соображения были приняты. В октябре 1914 года дивизию перебросили в Подольскую губернию в район Проскурова (ныне Хмельницкий) и Винницы. Перед отправкой Великий князь Михаил Александрович, принимая «депутации» во дворце наместника в Тифлисе, обратился к горцам: «Передайте всем мусульманам Мою благодарность. Я тронут и вполне убеждён, что мусульмане оправдают Мою в них уверенность» [3].

В Кавказской конной дивизии рядовых называли не «нижними чинами», как было

принято в российской армии, а «всадниками». Так как у горцев не существовало обращения на «вы», к офицерам они обращались на «ты», что нисколько не умаляло значения и авторитета командного состава. Алексей Арсеньев свидетельствовал: «Отношения между офицерами и всадниками носили характер совершенно отличный от отношений в полках регулярной конницы, о чём молодые офицеры наставлялись старыми. Например — вестовой, едущий за офицером, иногда начинал петь молитвы или заводил с ним разговоры. В общем, уклад был патриархально-семейный, основанный на взаимном уважении, что отнюдь не мешало дисциплине; брани — вообще не было места [...]

Говорят, что постоянное ношение оружия — облагораживает человека. Горец — с детства был при оружии: он не расставался с кинжалом и шашкой, а многие — и с револьвером или старинным пистолетом. Отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценились ими храбрость и верность; это был рожденный воин...» [2, с. 9, 10].

Кавказская конная дивизия начала выдвижение на боевые позиции 6 ноября. Ей предстояло действовать в Карпатах юго-западнее Самбора, на берегах реки Сан в составе 8-й, а затем 9-й армий Юго-Западного фронта. С декабря 1914 года её полки вели тяжёлые бои в горах, у галицийских и польских городков и деревень. Наступательные операции и разведки боем чередовались с отражением контратак неприятеля, пытавшегося прорваться к блокированной русскими крепости Перемышль. Кавказские полки с честью выполнили свою задачу.

В связи с наступлением неприятеля в Прикарпатье — Вос-

Великий Князь Михаил Александрович с офицерами Кавказской дивизии

точной Галиции 5 февраля 1915 года Кавказская дивизия получила приказ выйти из Самбора в район Дрогобыча, и далее к городу Болехову. Оттуда её частям предстояло вести наступление к востоку и юго-востоку в сторону Днестра, в направлении Станиславова (ныне Ивано-Франковск) и Тлумача. В бою 15 февраля полковник Александр Сергеевич Святополк-Мирский лично повёл спешный Чеченский полк в атаку по глубокому снегу под вражеским огнем и погиб.

Примером служила и храбрость Великого князя Михаила Александровича, который «воодушевлял и ободрял войска своего отряда, причём выдержал с 14-го по 25-е января натиск превосходящих сил противника на весьма важное направление — на Ломна — Старое Место, а затем при переходе в наступление активным действием содействовал успешному его развитию» [4]. Высочайшим приказом от 3 марта 1915 года по представлению Георгиевской Думы Юго-Западного фронта он был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

В приказе № 33 от 3 марта 1915 года командующий поде-

лился «этой радостью с дивизией» и заявил, «что этой высокой боевой наградой Я всецело обязан самоотверженной работе всех чинов дивизии, от генерала до последнего всадника, которым за их доблестную службу выражаю самую сердечную благодарность» [7].

Это были значимые слова. Забегая вперед, мы можем отметить беспрецедентно высокий моральный дух дивизии. За все годы войны, с учётом четырёх пополнений, службу в ней прошли более 7000 всадников — уроженцев Кавказа. Около 3500 из них — почти половина! — получили самые чтимые воинские награды — Георгиевские кресты и Георгиевские медали «За храбрость», все офицеры удостоены орденов.

Интересная деталь: с 1844 года ордена и Георгиевские кресты для тех, кто исповедовал ислам — «магометанство», выдавались не с изображениями святых, а с Государственным гербом — двуглавым орлом. Горцы Грузии называли «джигитом» и очень ценили. При этом, «принимая крест, они настойчиво требовали, чтобы он был — не с «птицей», а — с «джигитом»» [1, с. 9].

Однако вернемся в весну 1915 года. 2 марта полки Кавказской конной дивизии вышли на новые позиции, заняв оборонительный участок по левому берегу Днестра — от района южнее впадавшей в него реки Стрыпи до окрестностей города Залещики. 26 апреля они форсировали Днестр и начали наступление в юго-западном направлении к Пруту.

После 2 мая 1915 года наступление российских войск в междуречье Днестра и Прута захлебнулось, так как крупные силы германских и австро-венгерских войск сумели осуществить Горлицкий прорыв в направлении на Перемышль и Львов. К августу 1915 года полки дивизии вернулись на оборонительные позиции на левобережье Днестра и Стрыпи.

4 февраля 1916 года Великий князь Михаил Александрович был назначен командующим 2-м кавалерийским корпусом, и его место занял Дмитрий Петрович Багратион. Весна и начало лета прошли в позиционном противостоянии, а 4 июня началась операция Юго-Западного

Всадник Кавказской туземной конной дивизии в Галиции. Акварель неизвестного автора. 1915–1917 годы

фронта, получившая название «Брусиловский прорыв». Бригады Кавказской дивизии действовали в районе Станиславова в составе корпусов 9-й армии Юго-Западного фронта, на который и легла главная тяжесть наступления.

27 августа 1916 года Румыния объявила войну Германии и Австро-Венгрии, но вскоре противник нанёс ей поражение и занял Бухарест. Для помощи союзнику Россия создала новый Румынский фронт. Кавказская конная дивизия вошла в состав его 4-й армии. 17 ноября форсированным маршем она двинулась в Румынию, пройдя 600 верст, вышла к реке Рымник, а в начале декабря вступила в бои с немцами в гористой местности Восточных Карпат юго-западнее Ясс.

После выхода с Румынского фронта дивизия была отправлена «на отдых» в Бессарабию, а в марте перебазируется на Украину, в Подольскую губернию. Февральская революция и пораженческая пропаганда не подорвали её духа. Кавказская конная дивизия оставалась одним из самых боеспособных соединений. Лавр Георгиевич

Начальник штаба Кавказской туземной конной дивизии П. А. Половцов. Фотография 1916 года

Корнилов, возглавивший последнее русское наступление Первой мировой, возлагал на неё особые надежды: «Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убеждён, что славная история вашей дивизии обогатится ещё многими страницами. Ещё раз спасибо вам, славные горцы, за службу!»

Наступление 8-й армии в направлении Калуша началось 18 июня. Немцы перебросили сюда крупные силы с Западного фронта, и со 2 июля начали вместе с австрийцами мощные контратаки. 11 июля дивизия, отходя, переправилась через Днестр и двинулась на северо-восток. Кавказские полки вновь оказались на берегах Стрыпи и Серета, в районе Трёмбовля, где осенью 1915 года им уже довелось вести боевые действия.

Летнее наступление окончилось неудачей. В стране всё более обострялась политическая обстановка, усиливался хаос, продолжался развал армии. В полдень 7 августа 1917 года начальник штаба Кавказской конной дивизии полковник Гатовский разослал приказ о подготовке «перевозки дивизии на Северный фронт». Это означало, что её готовят к участию в подавлении революционного движения.

Наивно было бы думать, что произошедшие в стране изменения не коснулись личного состава дивизии. В частности, всадники поддержали обращение Съезда казаков Особой и 11-й армий 3 июня 1917 года: «Узнав из доклада делегатов казачьих партий на съезде объединённых горцев Кавказа о полном единении орлов горцев с казаками, о желании идти совместно к общей цели — широкому самоуправлению каждого горского народа, каждого казачества, приветствуем своих товарищей джигитов Кавказской дивизии, надеемся, что теперь мы так же дружно совместно будем устраивать мирную сво-

Л. Г. Корнилов. Фотография 1916 года

бодную жизнь наших народов, как дружно, плечом к плечу до сих пор дрались на полях битв» [10, л. 3].

Участвовать в гражданском противостоянии дивизия не намеревалась. Позицию горцев выразил полковник «Дикой дивизии» Султан Крым-Гирей в статье от 15 июля 1917 года, опубликованной в нескольких екатеринодарских газетах:

«С самого начала этой великой войны на Западном фронте непрерывно работает целая дивизия кавказских добровольцев. Не мне напоминать читателю о славных делах этой дивизии. Они достаточно ярко обрисованы почти во всех сообщениях Верховного Главнокомандующего и в бесчисленных корреспонденциях с театра войны.

[...] Перед самым переворотом ходили упорные слухи, что нашу дивизию возьмут в Петроград для поддержания ускользавшей власти старого правительства. [...] К величайшему счастью, старая власть нас для этих целей не беспокоила, и мы продолжали нести нашу почётную боевую службу на поле чести.

Когда переворот совершился и новое правительство стало

нуждаться в опоре верных долгу войск, — стали поговаривать, что нас могут для наведения порядка в России взять в тыл.

На эти слухи я, как председатель комитета Кавказской конной дивизии и полкового комитета Черкесского конного полка, неизменно отвечал, что ни при каких обстоятельствах для подавления каких-либо беспорядков в России мы, туземцы, не должны быть привлечены. [...]

Несмотря на то, что наши мусульманские полки в настоящее время самые надежные и самые дисциплинированные и они всецело (как подобает истинным солдатам) повинуются своим начальникам и Временному Правительству, но всё же они не чисто русские люди.

Если они, действуя против мятежников, губящих Россию, и против самых закоренелых уголовных преступников, арестуют кого-нибудь, — непременно будут кричать, что “Дикая дивизия” совершает насилие против светлых личностей русской свободы.

Военнослужащий Кавказской туземной конной дивизии Астемир-Хан Агнаев

[...] Великая Россия сумеет найти среди многомиллионной армии верных долгу людей. Русская болезнь должна быть вылечена русскими же средствами, т. е. если необходимо, то русские полки должны сами навести порядок внутри страны.

[...] Зато я ручаюсь, — если бы среди нашего туземного населения появились бы политические или иные группы людей, готовых погубить Россию и русскую свободу, то все наши конные полки, и я первый, пошли бы против них и своими усилиями уничтожили бы подобные явления» [5].

Этот программный документ, делающий честь уму и проницательности автора, мог бы стать образцом принципиальной и взвешенной политики — именно такой, какой не хватало России в годы Великой смуты. Такую же позицию занял Центральный Комитет Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана, пославший из Владикавказа телеграмму в дивизию, в которой категорически запрещал офицерам и всадникам горцам «что-либо предпринимать в политике», иначе «отцы, матери, братья и сестры проклянут их» [8].

Позже, выступая на 2-м Общегорском съезде во Владикавказе, Султан Крым-Гирей призвал «навсегда покончить проливать кровь», «забыть распри и невзгоды и помнить, что братоубийственная война у нас привела к тому, что почти не стало русского государства и армии. [...] Мы просим вас, — обратился он к ингушам и казакам, — сообща сделать всё, чтобы покончить с

Литература и источники

1. Арсеньев А. Кавказская Туземная Конная Дивизия // Военно-исторический вестник. Париж, 1958. № 2.
2. Арсеньев А. Кавказская Туземная Конная Дивизия // Военно-исторический вестник. Париж, 1958. № 12.
3. Кавказ. Тифлис, 1914. 30 сент.

Военнослужащий Кавказской туземной конной дивизии

явлениями братоубийственной войны».

Весной 1918 года, в связи с установлением Советской власти на Кавказе, полки «старой армии» будут распущены, а потом по «классово-идеологическим» принципам их, к сожалению, предадут полному забвению. И кто знает, насколько легче пришлось бы России удерживать и освободить Кавказ в годы Великой Отечественной войны, не будь вычеркнута из нашей героической летописи слава Кавказской конной дивизии.

4. Кавказ. Тифлис, 1915. 19 марта.
5. Новая жизнь. Екатеринодар, 1917. 15 июля.
6. Опрышко О. Л. Кавказская конная дивизия. Нальчик, 2012.
7. РГВИА. Ф. 3641. Оп. 1. Д. 27.
8. Терский вестник. 1917. 13 сент.
9. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 3.
10. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 50.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 54. Оп. 1. Д. 295.